

Глава 2

Драма Романцева

Если искать некий поворотный пункт в истории «Спартака» конца XX века, момент, когда что — то в чемпионском механизме незримо надломилось, то скоропалительное изгнание капитана Андрея Тихонова в сентябре 2000-го приходит на ум в первую очередь.

У этого тезиса, не сомневаюсь, найдется немало противников. Большинство скажет, что «Спартак» рассыпался куда позже — после прихода на пост президента клуба Андрея Червиченко. Другие вспомнят отставку Олега Романцева с его десятью чемпионскими титулами...

На мой взгляд, все это было звеньями одной цепи, продолжением одной и той же истории, которая не с Тихонова началась, но именно в миг вынужденного ухода кумира миллионов людей уколола в сердце каждого нетолстокожего болельщика.

Один из таких, писатель — сатирик Виктор Шендерович шестью годами позже скажет мне: «Традиции Романцева по духу напоминали работорговлю. Не отпустить Цымбаларя в „Рому“, чтобы потом отчислить его... Выгнать из команды Тихонова... С моей точки зрения, если есть вообще футболист, про которого я мог бы сказать, что это „мой“ игрок по отношению к игре и публике, то это Андрей Тихонов. Это больше чем хороший футболист, диспетчер и даже капитан. Это душа команды. Я болел за „Спартак“, пока там был Тихонов. А когда его выбросили, из „Спартака“ ушло что — то очень важное. Настолько важное, что дальнейшая судьба команды стала не то чтобы мезтью, а каким — то естественным развитием событий. Человеку мало, чтобы у него двигались руки и ноги, — еще надо, чтобы внутри было сердце. По крайней мере, чтобы он мог нравиться. Тихонов — такой игрок. Был и есть. И я теперь за „Химки“ болею. Конечно, не хожу на матчи, но когда играют „Химки“, хочу, чтобы они выиграли, потому что там Тихонов. Это такая психология болельщицкая»...

Что же за история приключилась не с Тихоновым, а со «Спартаком» вообще — но главной иллюстрацией которой стало именно изгнание Андрея?

Суть этой истории в том, что в «Спартаке», упиваясь собственной непобедимостью, год от года все больше переставали ценить людей. Даже таких, как Тихонов. Творческое содружество превратилось в царство муштры и диктата, где только один человек, Олег Романцев, знал Высшую Истину. И, обладая всей полнотой власти, периодически выкидывал из команды наиболее авторитетных футболистов, чтобы держать остальных в еще большем страхе: если так поступили с самими Цымбаларем и Тихоновым, что же могут сделать с нами?! Когда потом то же самое сделали уже с Романцевым, это было естественным следствием изменений, которые произошли с ним самим. Закон физики: действие равно противодействию.

Символично, что в апреле 2001-го главный тренер сборной России Романцев, отвечая на вопрос журналистов о перспективах возвращения в национальную команду Тихонова, а также еще двоих отчисленных им из «Спартака» игроков — Валерия Кечинова и Евгения Бушманова, раздраженно бросил: «Никаких перспектив. Отыгранные футболисты». Если кто не понял — футболисты, которые свое уже отыграли. Кечинов вскоре ответил Романцеву двумя голами в матче «Сатурна», его новой команды, со «Спартаком». И подбежал к

скамейке со штабом «Спартака», и не очень пристойно отсалютовал ей, чтобы все поняли, кому он «посвятил» эти свои голы. У болельщиков красно — белых душа разрывалась надвое...

Позже, в их устах, романцевская фраза постепенно превратилась в еще более жесткую, совсем уж бесчеловечную — «отработанный материал». Таких слов, справедливости ради, тренер не говорил. Более того, как непосредственный участник той пресс — конференции на базе сборной в Бору перед матчем Россия — Югославия уточню, что в действительности Романцев сказал «отыгранные игроки». В «футболистов» они превратились в газетах из соображений чистоты русского языка.

Но сути сказанного эта небольшая стилистическая поправка не меняла, и ее — в виде того самого не произнесенного, но имевшегося в виду «отработанного материала» — болельщики уловили точно. Да и не могло быть иначе: людям, которые кого — то по — настоящему любят, не обязательно вдумываться в нюансы формулировок. Достаточно интонации, взгляда, жеста. Всего, что доступно пониманию сердца.

Горькая ирония судьбы: любимой фразой Романцева со временем станет совет, когда — то данный ему великим хоккейным тренером Анатолием Тарасовым: «Олег, чтобы быть тренером, нужно уметь „резать мясо“». «Мясом» ведь когда — то стали в просторечье называть... «Спартак» — из-за того, что в 1930-е годы предтечей этого клуба была Промкооперация. Годах в 1970—80-х поклонники других клубов пренебрежительно называли этим словом болельщиков «Спартака», в школах это было одной из самых обидных дразнилок, отражалось оно и в заборных «граффити», где к нарисованному мелом спартаковскому ромбу соперники злорадно приписывали с одной стороны буквы «мя», с другой — «о». В последнее время неформальное прозвище «легализовалось», молодые спартаковские поклонники сами принялись с гордостью именовать себя «мясом». И даже игроки Егор Титов с Дмитрием Сычевым, срывая с себя футболки после забитого гола, оказывались в майках с надписью: «Кто мы? Мясо!» После чего эти майки начали на ура продаваться на околостадийных лотках со спартаковской атрибутикой. И продаются по сей день.

Есть какая — то мрачная символика в том, что Романцев, капитан и самый успешный по титулам тренер в истории «Спартака», во всеуслышание объявил о необходимости «резать мясо». Пусть и имея в виду совсем другое.

Слова материализовались.

21 — летний Тихонов пришел в «Спартак» по ходу первого чемпионата России в 1992 году из подмосковного Реутова, где играл в третьей по счету лиге за более чем скромный «Титан». Встретился однажды «Титан» со спартаковским дублирующим составом, и, на счастье Тихонова, на ту игру приехал Романцев, который в те годы посещал почти все матчи резервистов, а в конце 1990-х ездить на них вообще перестал. А тогда Тихонов был замечен и приглашен. Любопытная деталь: тот матч «Титан» проиграл, и Андрей не забил. Но в ту пору за Романцевым водилась слава видеть на поле то, что недоступно другим. Даже по какому — то одному движению он мог вычислить будущего мастера. Этот — то вкус на игроков выдающемуся тренеру спустя десять лет начнет безбожно изменять...

Всего годом ранее, когда еще разыгрывалось первенство СССР, не было и речи о том, чтобы эта командочка, «Титан», выступала на профессиональном уровне. Вот и думай теперь:

если бы не развалился Союз и не упал резко уровень соревнований, разве появился бы у Тихонова в его «Титане» хоть малейший шанс попасть в «Спартак»? Жизнь — она вся состоит из необъяснимых парадоксов.

Поразительно, что родился Тихонов в нескольких сотнях метров от родного дома красно — белых — базы в Тарасовке. Судьба? Но футболом он занимался вовсе не в спартаковской школе, а в секции своего родного подмосковного Калининграда, ныне Королева. А когда исполнилось 18, ушел служить. Да не просто в армию — во внутренние войска, в Сибирь, охранять заключенных. Вспоминать о тех временах он не любит.

Андрей рассказывал мне, что за два года службы ни единожды (!) не коснулся мяча. А на вопрос: «Возникла ли там угроза вашей жизни?» ответил: «Не раз. Но зачем сейчас об этом вспоминать?»

Для профессионального футболиста такого уровня, который, по всеобщему убеждению, обязан тренироваться лет с шести — семи, как автомат, дни, месяцы и годы напролет, такой сюжет кажется невероятным. Но если как следует покопаться, в судьбе каждого понастоящему большого спортсмена что — то не будет укладываться в обывательском сознании. Потому и сходят с ума, глядя на них, миллионы здравомыслящих вроде бы людей.

Попав в «Спартак», Тихонов успел получить благословение своего предшественника по статусу главного кумира спартаковских болельщиков — Федора Черенкова. Человека, возведенного красно — белой публикой в ранг святого.

Для несметного числа людей, в том числе и для автора этой книги, именно Черенков, а не Пеле, Марадона или Роналдинью — вопреки всякой сухой логике, любимый футболист всех времен и народов. И пусть ему не довелось сыграть ни на одном чемпионате мира, пусть о нем мало кто знает за рубежом, на оценку роли Черенкова любым «спартачом» 1980-х этот факт никак не влияет. Что — то было в Феде (только так его называли на трибунах, ни в коем случае не полным именем и уж тем более не по фамилии) такое, что заставило многие тысячи людей плакать на стадионе «Динамо» и у телеэкранов, когда в августе 1994-го в перерыве его прощального матча против итальянской «Пармы» он бежал под пение Тамары Гвердцители «Прощай, король!»; что и сегодня заставляет в городах всего бывшего Союза ломиться на матчи ветеранов «Спартака» аудиториям в 20—30 тысяч зрителей и уходить оттуда со слезами на глазах. Слезами ностальгии и романтического футбола, какого сейчас уже нет. Футбола Черенкова.

Гений дирижера атак совмещался в нем с subtilной фигурой, которую, казалось, вот — вот затопчут могучие соперники, но он ускользал от них, вызывая людской восторг, какой всегда испытываешь, видя торжество физически более слабого, зато озорного и искусного. А еще — с тихим, еле слышным голосом, какой-то виноватой улыбкой и потрясающей для футболиста такого масштаба стеснительностью. В 1987-м году он забил свой сотый гол в матче с днепропетровским «Днепром» с неверно назначенного судьей пенальти — так, представьте, его до сих пор мучает совесть, что не отказался подойти тогда к 11 — метровой отметке. Черенков не боится признаться в этом на всю страну...

Он заслужил гораздо более счастливую судьбу. В 1983-м Черенкова загоняли матчами во всех возможных турнирах — и за клуб в Союзе и европейских кубках, и за первую, и за молодежную сборную — и ранней весной следующего года психика игрока дала срыв. С тех пор Федору неоднократно приходилось проходить курсы лечения, и играть он мог да-

леко не всегда. Но без Черенкова «Спартак» никогда бы не завоевать два оставшихся на его долю титула чемпионов СССР — в 1987-м и 1989-м.

В 1990-м Валерий Лобановский вновь не дал ему шанса, на сей раз последнего, сыграть на чемпионате мира. Спартакоские болельщики выли от негодования и ненавидели выдающегося киевского тренера лютой ненавистью. Когда сборная без Черенкова не снискала лавров в Италии, поэт — песенник Игорь Шаферан откликнулся в еженедельнике «Собеседник» четверостишием:

Федя в «Спартаке» себя нашел
И пришел со «Спартаком» к победе.
Феде и без сборной хорошо,
Ну а сборной — не всегда без Феде.

В середине сезона 1990 года Черенков, уже 31 — летний, решил попробовать себя за границей — во французском «Ред Старе». 12 июля, в день прощального матча в Лужниках против «Торпедо», в Москве хлестал жуткий ливень. Только что закончился чемпионат мира, и народу на матче ожидалось немного — послекусие красочных мировых первенств, особенно в случае неудачного выступления отечественной сборной, всегда заставляет нашего болельщика на некоторое время уйти со стадионов. Но проводить Черенкова пришли 30 с лишним тысяч. Когда ударом с 20 метров Федор забил свой первый в том сезоне гол, счастливее тех, кто там был, не было людей на земле. Сужу об этом, извините уж, по собственному примеру.

Но долго без «Спартака» Черенков не смог, вернулся в следующем же году. Когда в 1993-м в основной состав пришел молодой Тихонов, Федор проводил свой последний сезон. И вот еще один знак судьбы — на предсезонном сборе в Германии их поселили в одном гостиничном номере. «Я быстро признал в Андрее талантливую игрока, — рассказывал мне Черенков весной того года. — А потом и как человека узнал. Он добрый и открытый парень. Часто подходит: „Если что не так делаю, Федорыч, скажи, объясни на пальцах“».

Сейчас от очень многих совсем молодых футболистов, не сделавших в своей жизни еще ни одного важного удара по мячу, зато получающих (не зарабатывающих, а именно получающих) по 10 тысяч долларов в месяц, за версту разит высокомерием и нежеланием чему — либо учиться. Такова конъюнктура рынка: введен лимит на легионеров, с каждым годом в составе команд должно будет выходить на поле все больше россиян, а их — раз — два и обчелся. Вот и ведется за них между клубами борьба, зашкаливающая за все рамки разумного, вот и платят им незаслуженные деньги, вот и портятся на корню характеры и убивается мотивация к дальнейшему росту. А тогда, в 1993-м, в ответ на просьбу об интервью Тихонов сказал мне: «Да что я сделал в футболе, чтобы обо мне писать?!»

Писать о себе Тихонов заставил через несколько месяцев, в октябре 1993-го. К тому времени он уже забил несколько мячей за основной состав «Спартака» (в частности, в первом же своем матче, против московского «Динамо»), но периодически еще выступал за дубль. В одном из таких матчей, против «Рекорда» из Александрова, Андрей действительно установил рекорд: при счете 8:0 забил все до единого голы! При этом ухитрился еще и не реализовать пенальти.

Характер человека иногда помогают понять нюансы — слова, жесты, взгляд. Об одном таком случае, связанном с Тихоновым, я узнал от своего хорошего знакомого — бывшего футболиста, который стал его невольным свидетелем. Произошло это тогда же, в 1993-м.

Основной состав «Спартака» проводил контрольный матч. Тихонов, в ту пору еще дублер, участия в нем не принимал, сидел на трибуне и разговаривал с женой одного из самых популярных в ту пору игроков красно — белых. Когда этот футболист (его имя не называю из этических соображений) уже после матча проходил мимо, знакомые не удержались, чтобы подначить его: «Не боишься, что твоя жена к Тихонову уйдет?» Игрок рассмеялся и заявил: «Да он никогда в жизни не будет зарабатывать таких денег, как я!»

Тихонов ничего не ответил. Но посмотрел на своего одноклубника таким взглядом, что видевшим эту сцену стало ясно: когда-нибудь у него обязательно будет больше славы и денег, чем у того, кто пророчил обратное. . .

О его феномене можно говорить часами. Вспоминать, например, как в 1996 году «детский сад» Георгия Ярцева выиграл в Санкт — Петербурге два решающих матча — сначала у «Зенита» и затем переигровку за «золото» у владикавказской «Алании», и в обоих этих матчах победные голы забивал Тихонов. Удивляться способности Андрея поражать чужие ворота в самые нужные моменты — не только в «золотом» матче — 1996, но и в финале Кубка России — 1998 против «Локомотива», и в ключевой встрече чемпионата — 1999 против него же, и в обоих поединках полуфинала Кубка УЕФА против миланского «Интера», когда только гений Роналдо смог оказаться выше этого тихоновского умения. . .

При этом Тихонов и близко не считался самым талантливым игроком «Спартака» 1990-х. И Ледахов, и Пятницкий, и Цымбаларь, и Аленичев, и Титов, и Кечинов по индивидуальному мастерству котировались выше. Но дух победителя, характер, умение переломить себя в самый трудный момент матча — все это было свойственно Тихонову более чем кому бы то ни было. Потому он и стал олицетворением «Спартака». Не обязательно ведь быть самым одаренным: из поколения 1990-х дольше и успешнее всех в Европе играл Валерий Карпин. Тот самый Карпин, что пришел в «Спартак» из воронежского «Факела» крайне прямолинейным, мало что умеющим, но потрясающе трудолюбивым игроком. Болельщики брезгливо называли его тогда Буратино — «деревянный», дескать, incapable ни к какому творчеству, напрочь лишенный изюминки. А пару лет спустя удивлялись, каким образом вдруг из Карпина получился прекрасный игрок, лидер, а впоследствии еще и упрямец, которому удалось через Европейский суд выбить право россиян не подпадать в клубах стран Евросоюза ни под какие ограничивающие их права квоты. . .

Таким же игроком — трудоголиком был и Тихонов. В реестрах его подвигов значились не только голы. Когда в том же 1996-м в критический момент матча Кубка УЕФА с датским «Силькеборгом» с поля удалили вратаря Нигматуллина, а количество замен уже было исчерпано, в ворота «Спартака» встал Тихонов. Один пропущенный гол — и красно — белые вылетели бы из Кубка. Но Андрей отбил самый сложный мяч, пущенный со штрафного, и не позволил датчанам победить. Этот случай стал неотъемлемой частью легенды о Тихонове.

В 1999 году случился первый в России серьезный стадионный конфликт между болельщиками и ОМОНОм — в подмосковном Раменском во время матча «Сатурна» со «Спартаком» отряд особого назначения переусердствовал с мерами против московских фанатов, и те принялись швырять в милиционеров чем придется. Вырванные с корнем пластиковые кресла летели в омоновцев сотнями, и судье пришлось остановить матч. Кто пошел с мегафоном на трибуны, чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу? Конечно, Тихонов. Он же оставался хладнокровным в самых горячих ситуациях на поле, когда бушевали страсти, игроки были готовы наброситься на судей и друг на друга — скажем, в 1999 году в Волгограде, когда неверное решение арбитра Николая Левникова на исходе матча вызвало ярость спартаковцев.

У каждого большого футболиста должна быть своя фирменная «фишка», «товарный знак», то, благодаря чему он запомнится на десятилетия. Была она и у Тихонова.

Это — удар в ближний угол.

Согласно всем футбольным канонам, голкипер не имеет права пропускать мячи после таких ударов: именно за ближний угол, как принято считать, он отвечает головой. Полетит мяч в дальний — ничего страшного, такие выстрелы, если они сильны и точны, не берутся.

Потому и бьют игроки, как правило, в дальний угол — так больше шансов, что вратарь не дотянется. Но ведь и голкиперы предполагают, что последует удар туда, в дальний!

Тихонов на этом и играл. Выходя к воротам с края (а учитывая, что он выступал на позиции левого полузащитника, по-другому и не получалось), он вдруг хлестко бил туда, куда «по науке» бить не должен, — в ближний угол. Сколько вратарей ловились на этот нехитрый вроде бы трюк!

И теперь, когда очередной спартаковец наносит правильный, но слишком уж стандартный удар в дальний угол, который не приводит к голу, болельщик 1990-х вздыхает: «Вот пробил бы он, как Тихонов, — точно бы поймал вратаря на эффекте неожиданности».

Это и есть настоящая болельщицкая память. Как пасы Черенкова, как прыжки по «девяткам» Дасаева, как финты Цымбаларя — так же надолго останутся в нашей памяти удары Тихонова в ближний угол. Решающие удары.

В общем, к концу 1999 года, когда Тихонов завоевал свою шестую золотую медаль, забил фантастические для полузащитника 19 голов за чемпионат и произнес слова: «Останусь в „Спартаке“, пока ему нужен» (а ведь тогда еще все рвались играть за рубеж!), для болельщиков команды он был уже почти богом.

— Как бы вы восприняли гипотетическое предложение перейти в ЦСКА? — спросил я Тихонова в интервью «Спорт — экспрессу» шесть лет спустя, когда спартаковская часть его карьеры осталась далеко позади.

— Противостояние спартаковских и армейских болельщиков — очень серьезная вещь, которую нельзя не учитывать. Мне и сейчас, когда «Химки» (именно там ныне выступает Тихонов. — Прим. И. Р.) играли финал Кубка России с ЦСКА, кричали: «Мясо!» И когда выступал против армейцев за «Крылья Советов», тоже кричали. Видимо, насолил я им в свое время так, что до сих пор забыть не могут. Я всегда в ответ на эти крики улыбался, даже хлопал. Хотят кричать «Мясо!» — пусть кричат. Но можно представить, что бы произошло, если бы я перешел в ЦСКА. Меня тогда бы вообще сожрали. Причем как одни фанаты, так и другие.

— Со спартаковскими фанатами у вас, насколько помню, никогда конфликтов не было?

— А с чего бы им быть, если я к ним всегда с уважением относился? Однажды случилась даже вот такая история. Существовала небольшая фанатская группировка, и у них было 20 или 30 шарфов, сделанных на заказ, уникальных. И один парень подарил мне такой шарф. Свой. Потом мне рассказали, что у него были неприятности, — шарф должен был находиться у него и только у него. Недавно ко мне в Химки приезжали спартаковские фаны, я им давал интервью для клубного издания, вспоминал и о команде, и о болельщиках — и предложил через них вернуть парню шарф. Но они меня заверили, что все проблемы позади и я могу оставить его у себя.

— Вы продолжаете считать себя спартаковцем?

— Да. Невозможно забыть, как с нами, дублерами, сидел в автобус основатель клуба Николай Петрович Старостин, которому было уже далеко за 90, и трясся по ухабам 70 километров. Как на одной из торжественных церемоний меня обнял и расцеловал еще один великий спартаковец — Николай Николаевич Озеров. Как на другой церемонии мне вручал премию верный поклонник «Спартака» Армен Джигарханян. Я робел, хотел просто поздороваться, а он меня, как сына, обнял. Мне в 1993-м довелось жить в одном номере с Федором Черенковым, играть в одной команде с Сергеем Родионовым. И то, что меня не забывают спартаковские болельщики, тоже вижу. Это жутко приятно.

— Хотели бы когда-нибудь стать главным тренером «Спартака»?

— Пока об этом говорить рано. Но, конечно, хотел бы.

... Наступил 2000-й — и все изменилось, белое стало черным. Для начала у жены Надежды буквально из — под носа бесследно угнали джип, лишь в последнюю секунду — и то слава богу! — выбросив из машины их годовалого сына Мишу. Воспоминания об угоне оказались настолько сильны, что бережно отстроенный дом в Тарасовке спустя полгода Тихоновы продали, переехав в Королев.

А когда начался сезон, вдруг выяснилось, что в украденном джипе словно хранилось тихоновское голевое чутье.

В третьем туре «Спартак» встретился в Лужниках со своим главным соперником последних лет — «Локомотивом». Годом ранее команда Юрия Семина в течение сезона играла не хуже красно — белых, но в обеих очных встречах была разгромлена — дважды по 0:3. Тихонов в тех матчах блистал. Все вокруг говорили о чемпионской психологии у «Спартака» и спартаковском комплексе у «Локомотива», который не мог к тому моменту даже сыграть вничью с красно — белыми четыре года подряд.

«Спартак» весь матч атаковал, «Локомотив» — из последних сил оборонялся. На последних секундах, при счете 0:0, в ворота «Локо» был назначен пенальти. К мячу подошел Тихонов. Все должно было быть как всегда.

Но он не забил.

Сейчас Андрей говорит, что за тот пенальти ему до сих пор стыдно. По — моему, стыдиться можно дурных человеческих поступков, но никак не отвернувшейся волею случая удаче. В конце концов, чемпионат — то тот «Спартак» все равно выиграл! К тому же у каждо-

го выдающегося футболиста есть на счету смазанный 11 — метровый. Иначе и быть не может — большой карьере противопоставлено быть стерильно гладкой, в ней обязан присутствовать элемент драмы. Но Тихонов не мог предполагать, что драма с этого мига не то что не закончилась — она только начинается.

Весь сезон — 2000 после того злосчастного пенальти Тихонов выглядел крайне скованным, напрочь потерял свою фирменную уверенность в себе. Раньше он создавал голы из ничего, нанося какие-то немыслимые удары в ближние углы, как говорят футболисты, «из песочной ямы». Теперь он, наоборот, губил голевой момент за моментом. За полгода забил всего один гол — и тот в рутинном разгроме аутсайдера, волгоградского «Ротора». Этот единственный мяч, забитый в матче, выигранном со счетом 6:1, выглядел нелепо на фоне прошлогодних 19.

Романцев полгода ждал, не слушал советчиков, публично призывавших его посадить капитана на скамейку запасных или вообще временно отправить в дубль. Его консерватизм до поры до времени вообще был известен: он верил в своих ключевых игроков до последнего. То есть — ценил людей, которые многое для него сделали. И на протяжении многих лет ничего не говорил о необходимости «резать мясо». Такая лексика появилась у него как раз в конце 1990-х...

Первые признаки того, что отношение к людям в «Спартаке» у тренера тоже стало другим, появились не в случае с Тихоновым, а годом ранее, в 1999-м. В одночасье, незадолго до старта Лиги чемпионов, из «Спартака» были отчислены еще один многолетний кумир, изумительно талантливый и техничный одессит Илья Цымбаларь, а также нападающий Сергей Юран, менее года назад вернувшийся из-за границы. Юран, прежде чем помириться с Романцевым спустя годы, успел бросить в телепрограмме: «Романцев выбрасывает футболистов, словно стоптанные туфли». Да, эмоции, но разве жизнь не показала точность этой формулировки?

В любом случае отчисление двух опытных и заслуженных игроков стало, что называется, знаковым.

В жизни «Спартака» наступил новый этап — конституционная монархия превратилась в монархию абсолютную. Впрочем, могло ли быть иначе, когда один и тот же человек был главным тренером и президентом «Спартака», а также главным тренером сборной страны? Может ли хоть кто-то при такой безграничной власти не только внутри ведущего клуба, но и, по сути, во всем национальном футболе остаться здравомыслящим адекватным человеком? Теперь, после прихода голландца Гуса Хиддинка в сборную, новых хозяев — в «Спартак» и категорического отказа нового президента РФС Виталия Мутко от практики совмещения постов в клубе и сборной былой абсолютизм кажется невозможным. А ведь был — то он всего пять лет назад...

За месяц до истории в Мадриде, оставившей «Спартак» без Тихонова, я в материале для «Спорт — экспресс — журнала» задался вопросом: «Не повторит ли Тихонов печальную судьбу других экс — капитанов „Спартака“ — Пятницкого и Цымбаларя?» На эту мрачную мысль меня натолкнул почти демонстративный отказ Романцева взять Тихонова в сборную перед первым отборочным матчем чемпионата мира — 2002 со Швейцарией. У Романцева такое бывало в исключительных обстоятельствах.

Швейцария была первым звонком. А последним, месяц спустя, стал матч Лиги чемпионов в Мадриде против «Реала», когда Тихонов не смог помешать Ивану Эльгере нанести по-

бедный удар, а заодно не использовал очередной голевой момент. Через день, после выходящего, на тренировке «Спартака» капитана уже не было. По словам Романцева, Тихонов «психологически устал», они с ним переговорили и сошлись на том, что игроку необходимо какое-то время отдохнуть. Вскоре выяснилась правда: это не отдых, а отчисление.

Слух о том, что Романцев и Тихонов повздорили в самолете, опровергли летевшие со «Спартаком» коллеги. По их словам, весь полет тренер общался в первом классе с актером Александром Калягиным, поехавшим в Мадрид поддержать красно — белых, и к игрокам ни разу не выходил.

Наиболее реальная версия происшедшего выглядит так. В раздевалке после матча «Реал» — «Спартак» обескураженный поражением Тихонов начал громко критиковать своего партнера Виктора Булатова. На это отреагировал Романцев, вроде бы сказавший капитану что — то наподобие: «Прежде чем осуждать других, посмотри на себя». Тихонов на мгновение вспылал, бросил что — то резкое — и этого было достаточно. Романцев конца 1990-х не терпел, когда кто — то ему перечил. Еще из одного близкого к команде источника следовало, что друг Тихонова Егор Титов попробовал было попросить Романцева об индульгенции капитану, но якобы нарвался на жесткое: «Не подходи ко мне по таким вопросам, иначе будешь следующим».

Сегодня Тихонов, человек незлопамятный, говорит о своей благодарности Романцеву за былое, обменивается с ним рукопожатиями и с радостью общается. Но весной 2001 — го, когда боль еще не отошла, я стал свидетелем разговора экс — капитана «Спартака» с питерскими журналистами после матча «Зенита» с новой тихоновской командой «Крылья Советов».

— Вы ушли из «Спартака», — начал вопрос коллега. И был остановлен горькой репликой Тихонова:

— Я не ушел. Меня выгнали...

Любопытно, кстати, как изгнание было обставлено. Пять лет спустя об этом расскажет Андрей Червиченко. О том, что такой человек существует, в ту пору никто из болельщиков «Спартака» еще не ведал — будущий президент, а тогда спонсор, в официальной структуре клуба не значился («В 2000 году я финансировал клуб, но никто об этом не знал», — подтвердил недавно Червиченко). Но на выезды с командой уже ездил. В том числе и в Мадрид.

Итак, слово Червиченко: «Тогда ни на секунду не сомневался в правоте Романцева, который сказал, что Тихонов команде не нужен. Все было в стиле Олега Ивановича: „Я ничего Тихонову не буду говорить — скажите вы“. Мы Андрею и сказали: „Ты свободен“. Сейчас иногда ловлю себя на мысли, что мы совершили глупость. Он, полагаю, и сегодняшнему „Спартаку“ пригодился бы».

Вроде бы все ясно. Тренер посчитал, что амбиции стареющего капитана больше не соответствуют его возможностям, и в такой ситуации наилучший выход — расстаться. Главная беда даже не в том, что это мнение оказалось ошибочным. Беда в том, как было обставлено это расставание и что последовало за ним. Увы, оно поставило четкий диагноз, во что начал превращаться «Спартак» — когда — то команда, обожаемая интеллигенцией за де-

мократизм атмосферы и стремление никогда не терять честь и достоинство. Но благородные времена патриарха клуба Николая Старостина, увы, миновали.

— Правда, что после отчисления вас даже не пустили на базу в Тарасовку? — спросил я Тихонова в интервью «Спорт — экспрессу» летом 2005 года.

— Да. Поехал за вещами, а охранники говорят: «Извини, мы тебя на базу не пустим». Пришлось потребовать, чтобы они позвонили Романцеву и объяснили, что мне надо забрать вещи. Очень неприятно было.

— Золотую медаль за 2000 год в конце концов получили?

— Нет, никто мне ее так и не вручил. То, что не пригласили на чествование, еще понять можно: меня из команды уже убрали. Но то, что остался без медали... Я же не прошу награду из чистого золота, дайте просто железку от РФС. Обычную железку — человеку, который отдал команде восемь лет! Мне кажется, людям, которые это сделали, должно быть стыдно. Кое — кому я говорил об этом. Опускают глаза. (Через несколько месяцев после нашей беседы один из старейших спартаковцев, начальник команды Валерий Жилиев привез Тихонову две не врученные ему золотые медали в Химки. Пять лет спустя! — Прим. И. Р.)

— Как первый раз после отчисления с Романцевым встретились?

— 3 января 2001-го за оставшимися вещами в Тарасовку заехал — там и столкнулись. Поздравил Олега Ивановича с прошедшим Новым годом и наступающим днем рождения. Он поблагодарил, улыбнулись друг другу. Нос никто не воротил... Сейчас между нами все в порядке. Недавно «Динамо» и «Химки» добирались одним самолетом на сбор в Турцию, так мы минут 40 сидели в аэропорту, вспоминали, какая у нас была команда. Да, Романцев режет по живому. Стил ь работы такой. Наверное, в тот момент он думал, что одного убрал — остальные заиграют лучше. Это Червиченко правильно о Романцеве сказал. Тем не менее я за многое Олегу Ивановичу благодарен.

— Но его слов «отыгранные футболисты», публично сказанных о вас, Кечинове и Бушманове, из песни не выкинешь.

— Романцев говорил, что журналисты его неправильно поняли... Тем не менее полагаю, что с тех пор я доказал — и Романцеву, и всем остальным, — что «отыгранным» не являюсь.

По-моему, после этих слов станет гораздо меньше людей, которые удивлены приведенной мною в начале этой главы эмоциональной реакции Виктора Шендеровича на уход Тихонова. Узнав о таком отношении, вполне можно если не перестать болеть за команду, то резко охладеть к ее руководству, которое так недостойно прощается с людьми, многие годы прославлявшими «Спартак». Недаром принято говорить, что интеллигентные люди расходятся без битья тарелок.

Романцев и в этом, и во многих других случаях интеллигентным человеком себя, к глубокому сожалению, не показал. Любому болельщику, обладающему тонкой душевной организацией, такая обстановка нравиться не могла. При Червиченко скандальность нового спартаковского имиджа примет едва ли не комедийные формы, во времена же прощания с Тихоновым эти неприятные ощущения были внове. Если кто подзабыл о первом тезисе этой главы — что именно с уходом капитана началось падение «Спартака», — то вот вам лишний тому аргумент. Прощание это вышло, если называть вещи своими именами, хамским. Большому игроку плюнули в душу. Сам игрок, кстати, не сказал ни одного резкого слова в ответ, и первые откровения о тех днях мы узнаем от него только сейчас, спустя годы.

...В апреле 2001 года произошла горькая для болельщиков «Спартака», но, увы, закономерная в контексте всего, что происходило, история. Рассказали мне ее официальные лица новой команды Тихонова — «Крыльев Советов».

За день до матча первого тура, в котором самарский клуб встречался в Москве с «Динамо», Тихонов обратился через «Спорт — экспресс» к спартаковским фанам с просьбой прийти на стадион и поддержать его, пусть и выступающего теперь в форме другой команды. Оказалось, что была сделана видеозапись этого призыва, которую самарцы планировали показать на экране Лужников во время матча «Спартак» — «Сокол» (он игрался на день раньше). Все уже было согласовано на всех уровнях. Оставалось только получить добро от арендатора Лужников — Романцева. Но президент и главный тренер красно — белых, по информации из Самары, наложил на показ ролика категорическое вето...

Уже тогда возникала мысль: о чем-то, связанном с конфликтом Тихонова и Романцева, мы не знаем. Какие-то были в этой истории подводные камни, подковерные интриги, приведшие к печальному исходу; невозможно такое стремительное низвержение лидера и капитана только на основании не слишком удачного сезона и выяснения отношений в раздевалке. В том же прошлогоднем интервью Тихонов подтвердил мне эти догадки.

— В одном из интервью вы сказали: «Если бы вычеркнул из жизни некоторые мои поступки в пользу футболистов в бытность спартаковцем, играл бы, может, в этой команде до сих пор». Что имели в виду?

— Если бы помалкивал в тряпочку и думал только о себе, может, и по сей день играл бы в «Спартаке». В 2000 году спартаковцам несколько месяцев не платили денег. Долгое время все молчали, не решались открыто высказаться. Но, в конце концов, я как капитан взял инициативу на себя и пошел к руководству.

— К Романцеву, который тогда был президентом клуба?

— Да. Как оказалось — на свою голову. Зла на Романцева я не держу, при встречах обнимаемся. В конце концов, именно он сделал из меня футболиста, и я на него за это молиться должен. Но не сомневаюсь: тот эпизод стал одной из главных причин моего отчисления.

— В большей степени, чем игра?

— Полагаю, да. Действительно, в том году мне сильно не везло. Из-за нереализованного пенальти в ворота Нигматуллина при счете 0:0 на последней минуте матча с «Локомотивом», за который мне до сих пор стыдно, весь сезон пошел под откос. Но в 1999-м я забил 19 голов, сделал 16 голевых передач, «Спорт — экспресс» признал меня, по своим оцен-

кам, лучшим игроком чемпионата. Разве у футболиста, совсем недавно стабильно показывавшего такой уровень, все могло исчезнуть меньше чем за год?

— В таком случае были ли у вашего вынужденного ухода из «Спартака» еще какие-то скрытые причины?

— Были. Работал у нас такой тренер — Вячеслав Грозный. С игроками он был на дружеской ноге, и мы принимали его поведение за чистую монету. Порой откровенничали с ним, чего делать не следовало. Как потом оказалось, Грозный «копал» и под меня, и под Егора Титова. Ему требовалось высвободить места для своих ставленников — Артема Безродного и Максима Калиниченко. К самим игрокам у меня нет ни малейших претензий — говорю только о Грозном. При встрече с ним готов повторить то же самое ему в лицо. С нами он был, как говорится, «вась — вась», а потом тут же бежал наверх и рассказывал все так, как ему было выгодно. В итоге меня убрать удалось, а Егора — нет. Думаю, и мой разговор с Романцевым на тему долгов Грозный использовал по максимуму.

Согласен со своим бывшим и нынешним одноклубником (раньше по «Спартаку», теперь по «Химкам») и Владимир Бесчастных. Он тоже убежден, что Грозный дурно влиял на Романцева, настраивал против опытных игроков. Учítывая, что общение с самими футболистами главный тренер давно свел к минимуму, это было несложно. «Если бы Грозный остался в команде, думаю, меня бы из нее убрали не в конце 2002 года, а раньше, — считает Бесчастных. — Но вместо него пришел нормальный человек — Владимир Федотов, который воздействовал на Романцева положительно. Впрочем, окончательные решения к тому моменту все равно принимал уже не главный тренер, а Червиченко...»

Для того чтобы картина была более полной, не обойтись без мнений других игроков. В конце прошлого года я два часа беседовал с Калиниченко — одним из всего лишь двоих футболистов (наряду с Титовым), кто сохранился в «Спартаке» со времен изгнания Тихонова. Вот что он, человек откровенный и умеющий излагать свои мысли, думает о той истории.

— У Романцева в команде должна быть монархия — только в этом случае он чувствует себя в клубе комфортно, что, вероятно, и доказали последующие (безуспешные. — Прим. И. Р.) истории его работы в «Сатурне» и «Динамо». Не скрою, мы его боялись. Особенно после случая с уходом Тихонова. Тогда вся команда была в шоке. Все понимали, что тренер режет по живому. У Тихонова же просто сезон не пошел. Иваныч от него, наверное, ждал продолжения феерии 1999—го, а у Андрея после незабитого пенальти «Локомотиву» как заклинило. И не сказать, что играл плохо, — не забивал и все. Но никто не думал, что его выгнать могут!

Ответил он, что ли, Романцеву резко в раздевалке после матча с «Реалом» — точно уже и не помню. Но прилетаем мы из Мадрида, и в аэропорту перед паспортным контролем второй тренер, Самохин, говорит: «Андрей, завтра в клуб зайди». Тихонов шутит: «Наверное, выгонять будут», мы все смеемся. А когда через день приехали на базу, Андрея на самом деле не было... Это невозможно было передать словами. Тишина. Оцепенение. Все ходят и шепчутся, обмениваются этой невероятной новостью. Тихонов же в дальнейшем всем доказал, что он не «отыгранный».

Читал я его интервью в СЭ, там о Вячеславе Грозном говорит — мол, проталкивал тренер меня и Безродного, а Тихонова с Титовым в глазах Романцева как только возможно порочил. Знаю одно. Я Грозному никакого «отката» со своей зарплаты и премиальных не делал. Если бы Грозный за уши тащил меня в состав, я бы с Грозным из «Спартака» и ушел. А что до их отношений с Тихоновым — у каждого своя правда, и я не имею права как — то это оценивать. Кто такой Тихонов, знают все, но и Грозный тоже чемпион России. То есть свою часть работы он делал хорошо.

Схожую, только более лаконичную оценку ощущений партнеров в момент ухода капитана дал его преемник и друг — Егор Титов. «Когда из „Спартака“ выгнали Тихонова, было чувство, как будто мне отрубили руку».

Наконец, было бы неправильно оставить читателя без прямой речи Романцева. Повторюсь: эта книга — не учебник футбольной и даже спартаковской истории, а лишь индивидуальный взгляд на нее автора, находившегося все это время в гуще событий. Но привести цитаты одной стороны конфликта и опустить слова другой — это было бы элементарно нечестно. А вот честен ли был в своих словах на встрече в редакции «Спорт — экспресса» в 2001 году сам Романцев, решать уже вам.

— Не жалеете о том, что расстались с Тихоновым и Кечинным, Олег Иванович? Может быть, слова о том, что они «отыгранные», сорвались у вас случайно?

— Их неправильно интерпретировали. Жалею ли я о расставании? Пожалуй, иногда и жалею. Но давайте вернемся к ситуации прошлого сезона. Хорошие игроки перестали попадать в основной состав. Сидеть на скамейке они и сами не хотели, да и я был не вправе их там держать.

— Расставание с Тихоновым показалось жестким, если не жестоким, а также спонтанным. При каких обстоятельствах оно произошло?

— Тогда у Тихонова игра не шла, и на него все шишки валились. А ведь Тихонов сильно переживал, когда в Лужниках с трибун неслось: «Когда закончишь играть?! Романцев, убери Тихонова!» Мы часто с ним беседовали, и я его успокаивал. К слову, у нас с ним были и сохранились хорошие отношения, что бы вы ни думали. В конце концов, мы с ним поговорили, и я предложил ему вариант за рубежом. Тихонов съездил в Израиль, но в итоге решил остаться на родине — и раскрепостился. Сейчас он играет хорошо, и я радуюсь, потому что в этом есть и моя заслуга. Наш футбол только выиграет, если этот футболист восстановится.

Тихонов восстановился, футбол выиграл — тут с Романцевым не поспоришь. Но не была бы эта победа еще более яркой и убедительной, если бы он, главный тренер, Андрея не выгнал? Если бы спокойно переждал неудачный сезон, какой бывает у каждого самого классного игрока, и к следующему году Тихонов — а это произошло бы неизбежно, что показали последующие сезоны в «Крыльях Советов», — стал самим собой?

С таким стержнем и «Спартаку» ведь рухнуть было бы куда труднее.

...Вскоре после расставания со «Спартаком» Тихонов уже тренировался в Новогорске с самарскими «Крыльями», а чуть позже подписал контракт на несколько месяцев с «Маккаби» из Тель-Авива. То ли поздней осенью, то ли в начале зимы в Останкине на записи ток — шоу я познакомился с молодым бизнесменом Германом Ткаченко, только — только возглавившим «Крылья Советов». В числе прочего новый для российского футбола человек заявил: «Вот увидите — Тихонов будет играть у нас!»

Я с трудом сдержал саркастическую улыбку: из Москвы в провинцию, тем более звезды, в ту пору не уезжали. Многие люди из бизнеса, выбирая новой точкой приложения своих сил футбол и совсем не зная этого весьма специфического мира, потом обжигаются и теряют весь свой пыл — в этом доводилось убеждаться неоднократно. Но когда зимой 2001-го в прессе появилось сообщение о подписании контракта Тихоновым с «Крыльями Советов», разговор с молодым президентом тут же всплыл в памяти. Стало ясно, что Ткаченко удивит нас еще не раз.

Пройдет время, «Спартак» начнет катиться под гору. А Тихонов тем временем проведет в Самаре четыре хороших года. И станет, конечно же, капитаном, и впервые в истории клуб завоюет бронзовые медали чемпионата России, а сам он вступит в символический «Клуб 100», организованный «Спорт — экспрессом» для футболистов, забивших в России и серьезных зарубежных чемпионатах сто и более мячей (в советские времена существовал аналогичный клуб Григория Федотова, основанный еженедельником «Футбол»). Полузащитники, тем более крайние, среди членов такого VIP — клуба — большая редкость. Но это же — Тихонов!

...Время показало, кто больше потерял от спартаковско-тихоновской разлуки. «Отыгранный футболист» и сейчас, в 36, в клубе первого дивизиона «Химки» смотрится прекрасно, а по итогам прошлого сезона был признан лучшим игроком второго эшелона российского футбола. После этого его настойчиво звали в «Москву», претендующую на медали в премьер — лиге, но Андрей, всегда предпочитавший жить не в столице, а в Подмоскovie, решил от добра добра не искать. А где работает и чего в последние годы добился человек, пусть и в сердцах назвавший Тихонова «отыгранным»?

До всего этого, впрочем, надо было еще дожить. Отчисление же Тихонова из «Спартака» вызвало шок.

Несмотря на весь авторитет Романцева, многие болельщики и журналисты обрушились на него с критикой: как можно выбросить за борт футболиста, который многие годы служил верой и правдой «Спартаку» и был ему так верен, что отказывался от зарубежных вариантов продолжения карьеры? Говорили, что Тихонов заслужил более бережного и терпеливого отношения со стороны Романцева. Для примера приводили Федора Черенкова, у которого из-за проблем со здоровьем тоже бывали долгие, едва ли не на год, спады. Но Константин Бесков безгранично доверял Черенкову — и в награду получал от него на следующий год волшебный футбол, от которого кружилась голова.

Тем не менее, несмотря на все эти аргументы, чемпионская магия Романцева оказывала — таки на общественность большое влияние. Тогда твердо считалось: кого этот тренер от-

правляет восвояси, тот нигде больше на прежнем уровне не играет. Вот и о Тихонове задумывались — может, видит Романцев что — то такое, что недоступно нашему пониманию, но ему, специалисту неоспоримой квалификации, ясно наперед? Может, пройдет год — два, и все мы, вспоминая о той непопулярной мере, вновь восхитимся романцевским даром предвидения, а на месте Тихонова будет сверкать неведомый пока преемник?

Но на поверку выяснилось, что преемника — то — не было. И что поступок тренера был не чем иным, как грубой стратегической ошибкой. Ведь в те осенние дни 2000 года из «Спартак» ушел не только Андрей Тихонов — из команды начала уходить ее душа.

Произошло это, правда, не сразу — вначале сработала сила победной инерции, помноженная на вызванный отчислением Тихонова общий страх. После инцидента в Мадриде в команду словно вкололи какой-то психотропный препарат, снявший болевой порог, — глядите, для Романцева не существует ничего святого, каждый из нас может исчезнуть отсюда в любую секунду, надо умереть, но доказать! Такие периоды не бывают долгими, но на коротких отрезках команда способна обыграть кого угодно.

И «Спартак» — 2000 выдал феерическую европейскую осень, заставившую многих сделать скоропалительный и, как окажется позже, неверный вывод, что в истории с Тихоновым крутой на расправу Романцев был прав. Исходя из сиюминутного результата так оно и было: впервые с 1995 года «Спартак» вышел из группы в крупнейшем клубном турнире Европы.

На лиссабонском стадионе «Жозе Алваладе» был в пух и прах разнесен местный «Спортинг» — 3:0. В составе португальцев играли шестеро футболистов тамошней сборной, несколькими месяцами ранее завоевавших «бронзу» чемпионата Европы. Но всех и каждого из них затмил Егор Титов, проводивший в 2000-м лучший сезон в своей карьере. Цена на спартаковского дирижера после того сезона в Старом Свете взметнется на уровень 15—20 миллионов долларов, но Романцев так никуда его и не продаст: тренер в нем возьмет верх над президентом. И того Титова мы больше никогда не увидим — вначале у него снизится мотивация, затем он получит тяжелую травму колена, а когда восстановится, на него обрушится самый страшный удар — допинговый скандал и годовая дисквалификация, речь о которых впереди. Расскажи кто Егору о такой перспективе той счастливой для него осенью 2000-го — побежал бы парень в западный клуб, сверкая пятками...

— Можно было, конечно, как Дима Аленичев, прийти и поставить Олега Ивановича перед фактом: я уезжаю и вы меня не удержите! — рассуждает теперь Титов в интервью еженедельнику «Футбол. Хоккей». — Это был бы выход. Наверное, я был в состоянии на все это повлиять. Локти, конечно, не кусаю, но что — то меня гложет. Вернись я сейчас назад, наверное, рискнул бы и поступил как Аленичев.

...Но больше всего запомнился той осенью даже не Лиссабон, а Москва, заснеженные, замороженные Лужники. 21 ноября в первом матче второго группового этапа Лиги чемпионов «Спартак» встречался со знаменитым лондонским «Арсеналом», одной из самых ярких и эстетичных по стилю команд Европы, законодателем мод в Туманном Альбионе, атаку которой возглавлял едва ли не лучший нападающий мира — француз Тьерри Анри.

На Москву в те дни обрушился мороз: матч начался при температуре минус девять градусов, а дальше стало и того хуже. Британцы, конечно, к холодам отнеслись без восторга, но надеялись, что и зрителей в такую погоду будет немного. Главный тренер «Арсенала» француз Арсен Венгер спросил сопровождавшего лондонцев помощника начальника

«Спартак» Валентина Покровского, сколько ожидается народу. Тот ответил: «Полный стадион, 84 тысячи. На ничего не значившем матче последнего тура первого этапа с „Реалом“ было столько же». Венгер, по рассказу Покровского, схватился за голову. «А я — то думал — максимум 50 тысяч», — изумленно промолвил тренер.

В лютый мороз на матч пришли 80 тысяч болельщиков. И не пожалели: игра осталась в их памяти на всю жизнь, они будут рассказывать о ней внукам.

В самом начале игры «Спартак» пропустил гол, да и вообще «Арсенал» показывал футбол даже не XXI, на пороге которого тогда стоял, а XXII века. Как можно противостоять такой команде, на всем стадионе, уверен, в те минуты не понимал никто. Но «Спартак» сделал невозможное, забив за оставшееся время «канонирам» не один, не два — четыре мяча! Бог ты мой, что бы сделали с человеком, который сказал бы неистовствующей публике, что это будет последняя победа красно — белых в Лиге чемпионов на ближайшие пять лет...

Два гола в том матче оказались на счету бразильца Маркао, который дважды поразил и ворота «Спортинга». Казалось, команда Романцева надолго нашла нового снайпера. Хотя и резанула ухо после матча парадоксальная фраза главного тренера: мол, бразильцу еще расти и расти до уровня «Спартака». Да что же он должен сделать, чтобы дорасти?!

Что хотел сказать тренер, не понял никто. Но Романцев был горазд на подобные парадоксы, и фразу привычно отнесли на счет его непостижимого тренерского гения. Того, что явно перестаравшийся (а скорее, к тому и стремившийся) репортер Алексей Зинин, выбившийся вскоре в спартаковские пресс — атташе, любвеобильно назвал в своем издании «восьмым чудом света, объединяющим в себе семь предыдущих». Да — да, хоть вы и не верите своим глазам, но именно так в «Советском спорте» окрестили Романцева после очередного чемпионства, возведя в ранг небожителя!

Можно, конечно, объясняя изменения в романцевском характере, сослаться на такую вот атмосферу лизоблюдства, окружавшую работу тренера, — как, мол, в этой обстановке остаться адекватным человеком? Но те, кто был близок в те годы к «Спартаку», не дадут соврать: подобную обстановку Романцев создавал и поощрял сам. Без него никогда бы не было в его «Спартаке» конца 1990-х — начала 2000-х сугубо потребительского отношения к прессе: похвалил — друг, покритиковал — враг. Причем навсегда.

А если возвращаться к Маркао, то очень скоро у него последовал еще один резкий поворот колеса судьбы. На зимнем Кубке чемпионов СНГ Маркао стал лучшим бомбардиром, но чем ближе был новый сезон, тем реже он появлялся в стартовом составе. По так и оставшимся неведомыми причинам бразилец потерял расположение Романцева, за первый круг сезона — 2001 вышел на поле лишь трижды, а летом несолоно хлебавши убыл в немецкий «Санкт — Паули». По сути дела, одному из героев осени — 2000 в новом году не дали шанса. Это еще одна из загадок правления позднего Олега Ивановича. И еще одно прямое продолжение «синдрома Тихонова». Синдрома превращения людей в материал, которого, по тогдашнему убеждению Романцева, не убудет.

Пройдет два года. Новый президент «Спартака» Червиченко еще не уберет Романцева из команды, но к подбору игроков главный тренер отношение уже будет иметь весьма отдаленное. Тьма африканских, бразильских и балканских легионеров будет сменяться новой тьмой — Максим Калиниченко позже в разговоре со мной назовет тот «Спартак» «зате-

рянным миром» Конан Дойля. О том, что в команде когда — то верховодил Тихонов и она выходила из группы в Лиге чемпионов, будут вспоминать как о чем-то очень далеком и не-реальном.

И тогда в секторах спартаковских болельщиков появится вдруг пробирающий душу насквозь плакат: «Тихонов навсегда».

В этой фразе нет восклицательного знака. Нет надрыва и пафоса. Оттого она и пробирает насквозь. Шепот — он ведь убедительнее крика. А грустная улыбка — перекошенного от ярости лица.

Тихонов навсегда остался символом того «Спартака», который играл и дышал в такт, который не был, конечно, великой европейской командой — но, вне всяких сомнений, был самим собой. А «лица необщее выраженье» в нашем новейшем футболе такая большая редкость...

Тихонов до сих пор не устал что — то кому — то доказывать. Потому мы и не устаем изумляться его игровому долголетию.

Может быть, когда-нибудь изумимся еще не раз — уже на тренерской стезе? Тихонов, кстати, стал первым на моей памяти действующим игроком, который честно сказал, что в роли тренера видит себя диктатором. Обычно футболисты думают, что, сменив статус, обязательно будут демократами. Получается, как правило, наоборот.

Тренер — диктатор Тихонов? Уже интересно. Будем ждать. В конце концов, диктатор или демократ — не так важно. Важно, чтобы, помимо спортивной составляющей, был порядочным человеком. Чтобы не делал подлостей и не расставался с людьми так, как расстались с ним самим.

Жизнь потрясающим образом закольцовывает сюжеты. Первый из них: накануне сезона — 2005 самый любимый спартаковскими болельщиками человек перешел в клуб к самому нелюбимому — Андрею Червиченко, возглавившему (как позже выяснится, всего лишь на сезон) «Химки». Иные отчаянные поборники спартаковской религии на Тихонова тогда ополчились: мол, как же он так мог, духовно предал наш клуб, пошел к супостату, его развалившему.

Но футболисты живут другими реалиями, нежели их поклонники. Даже те, кого судьба напрочь связала с тем или иным клубом. Тихонов не играл в «Спартаке» при Червиченко, экс — президент ему ничего плохого не делал, зато «Химки» предложили солидный контракт. И он его подписал, потому что за годы в Самаре устал от кочевой жизни и жить хотел дома, под Москвой. А тем из болельщиков, кто игрока за такой шаг осудил, один совет: поставьте себя на его место. И подумайте, Тихонов ли виноват, что отечественные ветераны сейчас в футбольной Москве не в почете: любят все больше иностранцев.

— Многие спартаковские болельщики восприняли ваш переход болезненно, поскольку относятся к бывшему президенту красно — белых, мягко говоря, без пиетета, — сказал я Тихонову во время интервью. И услышал:

— Я не был в «Спартаке» при Червиченко, но, думаю, зря они на него обижаются. По моему, он делал все, что мог, но помешало стечение обстоятельств. Из-за этого пришлось проститься с Романцевым и пойти на другие трудные шаги. Болельщики — люди эмоциональные, и для них, мне кажется, Червиченко попросту оказался крайним.

— При нем ведь был вариант с вашим возвращением в «Спартак»?

— Да. Андрей Владимирович хотел вернуть меня — подтверждаю для спартаковских болельщиков. Но они с президентом «Крыльев» Германом Ткаченко не сошлись по трансферной сумме. Вероятно, она действительно была завышенной. Мне кажется, можно было позволить мне вернуться в команду, где я провел столько лет, и доиграть в ней год — два до окончания карьеры.

Вряд ли можно было ожидать, что Тихонов скажет что — то другое, — во время интервью он был подчиненным Червиченко. Но сам факт этого перехода должен дать болельщикам понять: футбольный мир, по крайней мере для игроков, не делится на белое и черное. Случаются и полутона, и компромиссы, и оказываются способными совмещаться несовместимые, казалось бы, вещи и люди. И не стоит на них за это обижаться, потому что реальная жизнь куда сложнее созданного в воображении фанатов простого миропорядка.

Вот только фанаты никогда этого не поймут, потому что, по меткому наблюдению английского писателя, автора блистательной книги «Футбольная лихорадка» Ника Хорнби, жену поменять можно, а любимую команду — нельзя. Футбольное боление — это вирус, неизлечимая болезнь, когда ты смотришь на мир сквозь очки строго определенной расцветки и ничего не можешь и не хочешь с этим поделаться. Но разве без них, этих упрямых, наивных, ортодоксальных людей, которых легко обмануть, которым невозможно что — либо логически доказать, зато кристально честных и преданных своему клубу до гробовой доски, было бы интереснее жить?

Во время поездки в Англию меня потрясла одна деталь: под полем стадиона «Гудисон парк», на котором принимает своих соперников ливерпульский клуб «Эвертон», захоронены сотни... урн с прахом болельщиков — тех, кто пожелал такой «загробной жизни». Вы представляете, что чувствуют игроки, бегая по полю — кладбищу, где даже с того света за ними наблюдают пристрастным взглядом? Убежден: будь у «Спартака» свой стадион и разреши клуб подобную невероятную практику, желающих нашлось бы немало. Поэтому, даже удивляясь ограниченности многих взглядов на то, что происходило и происходит с самым популярным клубом России, не надо забывать, с какой любовью и самоотречением эти взгляды выражаются.

А тому, что футбольная жизнь неоднородна и многоцветна, недавно мы получили самое свежее подтверждение. 8 апреля 2006 года в спартаковском семействе разразился чудовищный скандал: капитан команды Дмитрий Аленичев дал интервью «Спорт — экспрессу»

под заголовком, который говорит сам за себя: «Старков — тупик для „Спартака“». Мнения мгновенно поляризовались, большинство болельщиков поддержали Аленичева. Но нашлось и немало противников позиции игрока, заявивших примерно следующее: «Аленичев поставил свою обиду выше интересов команды, взорвал обстановку в „Спартаке“, навредил клубу, которому на словах так предан. Вот Тихонов — как ему было обидно, а ничего не сказал, стерпел, потому что он по—настоящему любит „Спартак“! Уж он — то бы так никогда не поступил!»

И вот корреспонденты «Спорт — экспресса» спрашивают у Тихонова, как он относится к «делу Аленичева».

— На матч «Спартак» — «Локомотив» ходил с сыном — мы оба были в красно — белых футболках с восьмым номером и фамилией Аленичев. На стадион пришли, чтобы поддержать Диму, как и многие болельщики. По — моему, по их реакции было видно, какую из сторон они поддерживают. Нельзя таких людей убирать из команды! Дима — честный и порядочный человек. При Старкове же команда не играет, а большую часть времени мучается на поле.

Эти слова Тихонова — еще один ответ тем людям, которые в безмерной и подчас слепой преданности команде не хотят видеть за ней человека. Может, и не стоит выстраивать в данном случае столь мудрую философию, и Тихонов попросту встал на защиту своего друга и бывшего одноклубника. Даже наверняка это так.

Но, думаю, вы уже получили немало доказательств того, что «Спартак» Тихонову по—прежнему дорог. И он, Тихонов, прекрасно понимает, что Аленичев выступил не из корыстных интересов, а потому что больно ему за потерявшую прежний фирменный росчерк, усредненную и обезличенную игру «Спартака». И что этой честной, вылившейся наружу болью Аленичев «Спартаку» не помешал, а только помог. Даже принесся в жертву самого себя.

У Тихонова, Аленичева, Титова, Бесчастных и многих других, где бы они сегодня ни играли, — особая группа крови. Красно — белая. Они мыслят о футболе и чувствуют его не как среднестатистические российские игроки, а как спартаковцы. Болельщики «Спартака» видят в них своих, тех, кто думает так же, как они, — потому и поддерживают в любой ситуации. Потому и пишут: «Тихонов навсегда».

Он есть, особый спартаковский образ мышления, и никто не убедит меня, тоже выросшего на философии «Спартака», что она — миф.

Если бы «Спартак» был таким же, как все, ему не поклонялись бы столько людей.

И не было бы в том числе этой книги.